

сложного предложения. Их анализ может быть произведён лишь на уровне сложного синтаксического целого. Бывшие придаточные, как и фрагменты текста с фразовыми коннекторами, – синтаксические единицы текста. Союзы и коннекторы сочетаются с распространителями, которые усиливают актуализацию того или иного значения. Можно говорить и о появлении стабильных структур. В одних случаях: *и то (да и то) + потому, что; и то (да и то) + только (лишь)*; в других: *добавлю лишь; прибавим к этому; скажем больше; надо прибавить* и т.д. Например: *Говорят, подлость есть сила. Надо прибавить: скандал тоже есть сила* (Н. Лесков).

Вполне оправданы поиски средств, способствующих организации текста, его связности, с одной стороны, и сегментации, с другой.

С.С. АНУФРИЕВА

Витебск

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ
КАК ПЛАНИРУЕМОЕ СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ СКРЫТОГО
СМЫСЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале рассказов Л. Улицкой)**

Как известно, словарный состав языка постоянно изменяется. Одним из продуктивных способов обогащения словарного состава любого языка является образование новых слов по существующим словообразовательным моделям.

Словообразовательная система как система словообразовательных моделей (типов) работает автоматически, так что практически от любого слова можно получить нужное нам производное, если это совершается в рамках существующих норм и правил словопроизводства. В данном случае, очевидно, можно говорить о нормативном словообразовании.

В данной работе рассмотрим те слова, которые обнаруживаются только в конкретном художественном тексте, являются авторскими словообразовательными неологизмами, еще не закреплены в словарях национального языка.

В лингвистике вопросам окказиональности как особой теме стали уделять внимание сравнительно недавно, очевидно, в силу аномальности, противоречивости этого явления, хотя различные

авторские новообразования всегда привлекали внимание исследователей. В настоящее время индивидуальное авторское словообразование (словотворчество) привлекает исследователей по разным причинам. Одной из таких причин, на наш взгляд, является планируемая возможность передачи подтекстовой информации.

Окказиональные словообразования, несомненно, различаются по степени адекватной реализации скрытой информативности. В основе процесса понимания лежит представление о нем как о процессе направленного воздействия на адресата, которое может быть достигнуто при помощи различных лингвистических механизмов. Индивидуальное словотворчество и есть проявление «сознательного отношения к языку» (В.М. Марков). Вопрос в том, с какой целью было избрано то или иное слово. При этом автор может не задумываться о том, знает ли он это слово, слышал ли он его, сочинил ли. Важно, что он искал его и нашел.

Заметим, что слова, создающиеся на основе высокопродуктивных словообразовательных типов, могут быть причислены к окказиональным образованиям, носящим индивидуальный характер, возникновение и значение которых обусловлено контекстом. Например, *«Вера Александровна, полуродственница, полутень, папиросная бумага памяти и самое убедительное из имеющихся у Гули доказательств реальности ее собственной жизни...»* [1;323]. В данном контексте слово *«полуродственница»* по способу образования обнаруживает сходство со словом *«полутень»* (*полу-*: проявление признака лишь наполовину). Надо полагать, что именно соседство этих слов и словосочетания *«папиросная бумага памяти»* в условиях одного контекста и объясняет значение, приобретенное словом *«полуродственница»*. В подтексте: незначительность самого убедительного доказательства ее собственной жизни для внешнего наблюдателя и значимость его для нее самой.

Среди окказиональных словообразований выделим единицы, образованные по продуктивной модели, которые могут быть восприняты как нормативные. Они обладают наименьшей скрытой информативностью. Степень новизны их минимальна. Думается, однако, что не следует ставить в прямо пропорциональную зависимость внешнюю естественность слова, естественность его формы и естественность содержания, точнее смысла, еще точнее подтекста, воспринимаемого и вербализуемого реципиентом с учетом разного рода пресуппозиций.

Рассмотрим пример: *«Двадцать первого числа, если оно не приходилось на воскресенье, в пустоватом проеме между обедом и*

чаем, к Анне Марковне приходила ее троюродная сестра Ася Шафран» [1;254]. Слово «пустоватый» образовано подобно словам *простоватый, тяжеловатый, глуповатый* и т.п. Суффикс -оват указывает на неполноту обладания признаком, на не всеохватность признака. В подтексте: время между обедом и чаем обычно, если и было заполнено чем-либо, то очень незначительным (практически ничем не заполненная временная скважина между обедом и чаем).

Одним из приемов реализации значений окказиональных образований, представленных в следующих предложениях, является игра на многозначности слов, когда актуализируются периферийные значения при сохранении «подтекста» основного: в первом случае – *браться за что-либо / приложить к чему-либо*; во втором – *выпекать хлеб / сильно печь, греть, обдавать зноем*.

«Глупо покрашенная Ася, слегка подрагивая головой, сняла с себя расшитое черными шелковыми ленточками абрикосового цвета пальто Анны Марковны, которая всю жизнь отдавала ей свои старые вещи и давно уже смирилась с тем, как ловко, иногда одним движением своих **прикладистых** рук, Ася превращала ее почтенную одежду в лохмотья сумасшедшего» [1;255]. «При булочной была пекарня, и кроме зарплаты Броньке давали хлеба – сколько съест, и четверо ее ребят на этом **припеке** росли один в одного, рослые, крепкие» [1;267]. Подобным образом можно объяснить употребление слова «схватывайся» в следующем примере: «*А теперь схватывайся! Схватки должны быть!* – посоветовала Алена, и Плишкина схватилась руками за свои бока» [1;411].

Рассмотрим еще одну группу окказионализмов. Они представляют собой слова, созданные путем контаминации нескольких слов, морфем, начальных элементов, на основе сведения в одну лексическую единицу двух значений. «*К исходу первого месяца, когда мать девочек, перенеся большую операцию, лишившую ее возможности впредь проращивать драгоценные зерна потомства, и последующее заражение крови, вынырнула, вопреки прогнозам врачей, из **межточного** состояния и начала медленно поправляться, Эмма Ашотовна, бабушка, забрала девочек домой*» [1;364]. В подтексте: состояние между жизнью и смертью определилось как удовлетворительное, когда мать девочек больше не пользовалась медицинской уткой. «*Когда количество выпитого ликера значительно превышало объем кофе, Гүля брала со стены гитару и, точно соблюдая интонации и произношение, воспроизводила Вертинского, многозначительно **перемалчивая** некие жгучие воспоминания*» [1;323]. В подтексте: переживая молча.

Как известно, окказиональные образования могут выражать и скрытую эмоционально-экспрессивную информацию (авторскую и несобственно авторскую). *«Самоуверенная и беспечная Евгения Алексеевна, которая даже школьных учительшек, как сама говорила своей ближайшей подруге, смогла поставить на место, была близорука, лица в толпе у нее смешивались, а что касается Кольвановой, то по ее детской и всяческой незначительности раствориться в толпе труда не стоило»* [1;420]. *«Раздевалась Евгения Алексеевна в учительской раздевалке, а Кольванова стояла в очереди, чтобы просунуть свое дрянненькое пальтишко в гардеробную дырку, ...»*[1;422]. *«К слову сказать, покойный Нинин муж обеих терпеть не мог – Тому считал убоженькой, а Сусанну Борисовну иначе как «мадам Грицацуева» за глаза не называл»* [1; 436].

Таким образом, окказионализм представляет собой «принудительную» реализацию заложенных в системе языка возможностей. Следовательно, окказиональное словообразование необходимо рассматривать в рамках общего словообразования и только при таком рассмотрении возможно говорить об определенном роде ненормативности внутри него.

Окказиональность, как мы уже отмечали, является одним из планируемых автором потенциалов реализации скрытой информативности и используется, как правило, осознанно. Л.В. Щерба указывал на тот факт, что «когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то начинает он чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее» [2;10].

Таким образом, неявные семантические добавки, которые создаются автором намеренно и иногда расцениваются как ошибки или опечатки, задерживают наше внимание не только на отдельном слове, но выходят на контекст в целом, создают дополнительные оттенки смысла. Лингвистические приемы, используемые в художественном тексте, также избираются автором осознанно.

Установка на словообразовательный окказионализм как на потенциальный канал передачи подтекстовой информации создает возможности использования потенциала окказионального слова как лексической единицы, ориентированной как на языковую систему (норму), так и на непосредственно ее реализацию в текстах (отклонение от нормы).

Окказиональность, прежде всего, является проявлением творческих способностей автора и играет важную роль в создании новых, способных к функционированию в языке, слов, способствующих извлечению и адекватной интерпретации имеющейся в

художественном тексте информации, существенно важной для постижения его смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улицкая Л. Лялин дом. Повесть и рассказы. – М.: ВАГРИУС, 2001.
2. Щерба Л.В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. – 1939. – №1.

О.Н. КУЛИЕВА
Витебск

ПОЛИТЕМАТИЧЕСКИЕ РЕАКТИВНЫЕ ДИАЛОГИ И ИХ ФУНКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Среди политематических диалогов, не связанных с конституацией, выделяются два подвида, в первом из которых собеседник реагирует на тему партнера, во втором – реакция на тему партнера отсутствует [3]. Ситуация, в которой они развиваются, не влияет на ход диалогов. Объектом исследования в данной статье являются диалоги первого подвида, которые можно назвать *политематическими реактивными*. В них разговор идет по двум (или более) темам, каждый участник ведет свою тематическую линию, но, что самое главное, реагирует при этом на реплики собеседника. Цель данной статьи – проанализировать политематические реактивные диалоги, встречающиеся в драматических художественных текстах, с точки зрения связности диалогических реплик и когерентности речевых актов, и рассмотреть их художественные функции в тексте. Вот пример такого диалога из пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад»:

«Аня (обнимает Варю, тихо). *Варя, он сделал предложение? (Варя отрицательно качает головой.) Ведь он же тебя любит... Отчего вы не объяснитесь, чего вы ждете?*

Варя. *Я так думаю, ничего у нас не выйдет. У него дела много, ему не до меня... и внимания не обращает. Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть... Все говорят о нашей свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, все как сон... (Другим тоном.) У тебя брошка вроде как пчелка.*